ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК
I ЧАСТЬ – ПОДЗЕМНЫЙ МИР ПЛАНЕТЫ

1. КОНТИНЕНТ ВЕЧНОЙ НОЧИ

4. БИТВА ЧЕРНЫХ ВЕЛИКАНОВ

Надо полагать, что наши западные коллеги все это время тоже не сидели, сложа руки. Еще в 1966 году для исследования карста на массиве Пьер-сен-Мартен создается международная организация АРСИП. Во главе ее становятся испанец Карантен Кефелен и бельгиец профессор Марк Козинс – один из первых исследователей одноименной с массивом пропасти Пьер-сен-Мартен (ПСМ). Геологические исследования этого района показали, что теоретически пещерная система ПСМ может иметь денивеляцию до 1800 метров, и хозяева этой супер-пропасти чувствовали себя достаточно уверенно. Перспективы в овладении Пятым полюсом планеты у них были прекрасные.

* * *

Подбирал слово для обозначения глубочайшей пропасти планеты, и вдруг подумалось: насколько прочно понятие первенства связано в нашем сознании с высотой. В чем бы то ни было. Кто выше – тот и впереди! А почему, собственно? Почему, скажем, не правее? И наоборот, все, расположенное пространственно ниже, ассоциируется с чем-то недостойным, последним. Крепко въелась в нас пирамидальная структура построения общества. А ведь гораздо приятнее было бы жить не в том обществе, где одни поплевывают тебе на голову, а другие подлизывают пятки, а в социуме равных индивидуумов, ориентированном на приоритет каждой отдельной личности. Такое обустройство "муравейника" мне видится оптимальным – то есть общество горизонтального построения и, желательно, в один слой.

"Ишь, чего захотел!" – подумают многие. – "Сам-то понял, что написал?"

* * *

Но вернемся к битве за глубину. Дядюшка ПСМ чувствовал себя прекрасно и уверенно. Правда, некоторое беспокойство вызвала было старая соперница – Берже. После прохождения в 1968 году спелеоаквалангистами Парижского клуба на Сене донных сифонов пропасти – Гуффр Берже неожиданно подступила к ПСМ почти вплотную: –1141 метр. Всего десяток метров разделяло двух подземных гигантов, соперничающих в борьбе за мировую корону!

Увы, это был последний на то время рывок королевы Веркора. Когда в феврале 1981 года (13-ю годами позже!) кто-то из отчаянных парней прорвался через конечный сифон соседней пропасти Гуффр Поджия, соединив ее с Берже, и общая денивеляция системы составила 1198 метров, – все основные соперники были уже далеко впереди.

К 1973 году ПСМ закрепил свое превосходство. Обратив взоры горе', спелеологи АРСИП один за другим открывают и присоединяют к основной пропасти выше лежащие входы в систему: М-3, М-13 и СЦ-3. Такие буквенно-цифровые имена входов появляются в ходе поисковых работ, когда каждой карстовой воронке исследуемого района присваиваются порядковые номера и буквенные индексы, соответствующие условному коду группы, ведущей поиск, или принятой топографической маркировке района. Соединение вновь найденных входов с основной системой ПСМ привело к новой сенсации: был пройден рубеж –1300 метров, и денивеляция системы стала 1332 метра.

Было от чего призадуматься. Рядом, совсем рядом маячил заветный полуторакилометровый рубеж!

* * *

Тогда, в 1973 году, казалось, что все соперники ПСМ в битве за подземный Эверест безнадежно отстали. А тем временем на сцену постепенно выступает новый супер-гигант: Гуффр Жан-Бернар.

Исследование этой пропасти начинается в 1963 году, когда группа "Вулкан" из Лиона наталкивается в Савойских Альпах на зияющий вход в неизвестную пещеру,

куда сразу же удалось спуститься на 100 метров. В том же году при исследовании расположенной неподалеку пропасти Гуль де Фоссуоби при неожиданном паводке погибают двое французских спелеологов – Жан Дюпон и Бернар Раффи. В память о погибших вновь открытая пещера получает название Жан-Бернар.

Исследование этой замечательной пропасти, полное увлекательных и, порой, драматических событий, продолжается по сей день. Но вернемся к началу.

Постепенно, за 10 лет исследований, глубина Жан-Бернар вырастает до -600 метров, что, в общем-то, не могло кого-нибудь сильно вдохновить или напугать. И все же! Количество метров потихоньку нарастало, приближаясь к критической массе, чтобы скачком изменить качество.

Пока величественный Пьер-сен-Мартен купался в лучах славы, новичок из Савойи готовился сократить разрыв.

И вот в 1975 году Жан-Бернар начинает стремительно расти! Происходит это опять же за счет присоединения к основной системе выше расположенных входов. Два таких вновь найденных входа: В-19 и У-4, за один год увеличили денивеляцию Жан-Бернар с 623-х до 1208-ми метров! Но и на этом дело не остановилось.

1 января 1976 года одна из работавших в пропасти групп проходит галерею Сезам и выходит к сифону на глубине -1298 метров.

"Ясно, что 34 метра, отделявшие систему по глубине от Пьер-сен-Мартен, заставляли нас интенсивно искать продолжение и вверх и вниз", – пишут участники тех событий Б.Ли, К.Оль и К.Регальди (*62).

Победа маячила на расстоянии руки, и спелеологическая активность в Жан-Бернар достигла величайшего напряжения.

*"Зимняя экспедиция 77 года в нижнюю часть системы (подъем в зале Хаоса) не дала результатов. Все экспедиции 78-79 годов проходили на грани срыва из-за плохих метеоусловий. Несколько экспедиций в верхней части потерпели неудачу. Напорные (*63) галереи кончались глиняными завалами, пробиться через которые не удавалось. Нам довелось насладиться подъемом на искусственных опорах (*64) в неопрене (*65) под водопадом.*

Надо отметить, что из-за тяжелых метеоусловий больше одной-двух экспедиций в год проводить не удавалось. При этом желающих было немного, и тех ненадолго хватало в упомянутом водопаде. Мы поднялись метров на 40 и ничего не добились, назвав водопад "Умывальник".

Другая серия подъемов на крючьях от реки "Нечистот" позволила нам обосноваться в зале, представляющем основание широкого колодца.

В феврале 1979 года после новой попытки подъема в "Умывальник" мы, для поправки здоровья, устроили большую прогулку по поверхности и нашли вход, открытый, несмотря на обилие снега. Из входа сильно дуло. Это была В-21. Полость, известная с 68 года, считалась законченной. И действительно, в узости на дне входного колодца не было ничего интересного и привлекательного. Нам пришлось подождать до таяния снегов и за пять июльских дней взорвать узость, пробиться через шкуродер, идущий за вторым колодцем, и затем быстро осуществить соединение: 136-метровая вертикаль привела нас в зал на реке "Нечистот", в котором мы уже побывали в августе 1877 года.

Это соединение увеличило глубину пещеры до рекордного уровня: -1358 метров".

ПСМ чувствовал, что вот-вот придется уступить напористым парням из Савойи. Но ничего поделать не мог. Темп в его исследованиях был потерян: несколько лет экспедиции АРСИП ничего не могли прибавить к уже пройденному – ни вниз, ни вверх. Правда, через пять лет после описанных событий, в 1982 году, пропасть Пуэрте (М-31) на отметке -400 метров вдруг дала неизвестное ранее продолжение и вывела на небольшую речку, которая через несколько километров соединилась с притоком Ларенб пропасти ПСМ на глубине -580. Это новое соединение довело амплитуду ПСМ до 1342 метров и добавило 5 километров к суммарной протяженности его ходов, но – не спасло положение. Гигант Атлантических Пиренеев отступил на вторую позицию.

* * *

А в это время группа "Снежная" продолжала наращивать результаты. Когда после экспедиции 1978 года глубина Снежной стала -940 метров, Киевская замаячила совсем близко! А Снежной не видно было конца...

"Частная русская спелеология" удивляла свет не только достигнутыми глубинами. Со вкусом поплевывая на общепринятые нормы и правила безопасности, составы участников рекордных экспедиций по численности неуклонно стремились к нулю. "Меньше народа - больше кислорода!"

Не прошло и нескольких месяцев, как в июне 79-го в Снежную отправляется экспедиция из... двух человек - командира Данилы Усикова и бойца Татьяны Немченко.

- Шли мы не как-нибудь - с телефоном! - вспоминала потом при нашей встрече в Москве Таня. - Данила то убегал назад, то вперед - все линию проверял да перетягивал. Ну, а мне что оставалось? Понятно, - тащить мешки!

"...Снежники на склонах гор в июне стаяли только наполовину, поэтому воды в подземной реке оказалось неожиданно много. Там, где раньше можно было идти свободно, теперь приходилось натягивать веревочные перила, иначе невозможно было преодолеть течение.

Наконец, водопад Рекордный. И вот, после стольких ожиданий, можно полюбоваться им снизу, из небольшого зала. Вокруг свистел шквальный ветер, насыщенный влагой до предела. Стоял невообразимый грохот. Все вместе производило самое мрачное впечатление. Но вот несколько поворотов, и картина, как это часто бывало в Снежной, резко изменилась. Впереди простиралась гладь величественных водных галерей. Ноги приятно слегка утопали в мелкой гальке. Блики от фонарей серебрились, как лунные дорожки на море. Вдаль бежало и замирало гулкое эхо от шагов. Здесь жила первозданная тишина. Отшлифованные водой стены уходили и терялись далеко наверху. Казалось, все дышало спокойствием. И это было не угрюмое спокойствие подвала. Река и свежий воздух делали это место удивительно живым.

Место очередного лагеря выбрали на глинистой осыпи в 20-ти метрах над рекой - месте, которое теперь известно как "Глиняный завал".

Спелеолог одинок в своих открытиях, и мир, который он открывает, по-настоящему его мир. Мелодия пещеры может быть угрюмой, грозной, радостной, но несомненно одно: для тех, кто идет первым, она всегда волнующа.

Татьяне и Даниэлю посчастливилось в экспедиции 1979 года открыть до 3 километров восхитительных подземных галерей на глубинах около километра. Спелеолог в полной мере понимает, какая это редчайшая удача.

За Глиняным завалом широкое русло реки сначала выписывало зигзаги, а потом превратилось в узкую, шириной меньше метра и прямую, как стрела, щель. И так 100 метров, пока на смену ей на глубине -1015 метров не пришел водопад "Озерный". С десяти метров вода падала в огромное почти круглой формы озеро. И там, где исчезала пена, в свете фонаря, можно было увидеть сверху черноту воды, пугающую своей бездонностью.

Спустились в озеро и переплыли его. Дальше пошли лагуны, перекаты, мелкие завальчики, быстрины - чего только не было! Наверное, впервые в своей спелеологической жизни Татьяна и Даниэль устали от открытий. Место назвали красноречиво - "Нудная река".

Но Снежная - пещера контрастов. Нудная река рушилась в каскад водопадов, каких еще не было. Рев и грохот. Река бьется и петляет среди причудливых зубцов и гребней скал, до блеска отполированных водой. Одним словом, "Ревущий каскад". Теперь глубина нарастает с каждым шагом. О чем еще можно мечтать? Чудесное место!

Но - как ушат холодной воды на голову: на дне Ревущего каскада возникает глыбовая стена очередного завала.

Очевидного прохода не было. Тогда решили пообедать. Но завал не захотел превратиться в ресторан и сдался почти без боя. Пока Таня готовила кашу, Даниэль нашел проход.

За завалом, образуя гигантские ступени над рекой, открылся новый зал ("ИГАН"). Река ревела в 30-ти метрах ниже. Преодолели целый каскад небольших колодцев и оказались в месте, где река, разбиваясь об уступы на тысячи брызг,

гигантским душем исчезала в жерле огромного колодца, наверное, самого широкого во всей пещере. Даже входной колодец показался бы просто игрушечным рядом с этим исполином. Измерили лотом - глубина оказалась 32 метра. Назвали этот величественный водопад "Олимпийским".

По плану и по замерам барометра глубина пещеры дошла до уже -1230 метров, а длина магистрального хода приближалась к 10 километрам!

Так, в 1979 году, миниатюрная девушка-москвичка с тихим голосом, превзойдя рекорд киевлянки Крапивниковой, стала "самой глубинной женщиной" СССР.

- Знаешь, как они меня называли? - шутливо обижалась Таня. - Самой "низко опустившейся"!

Итак, доблестная двойка дошла до водопада "Олимпийский" (страна готовилась принять Олимпиаду-80!) на отметке -1230 (*66). Киевская осталась позади! Теперь уже километровый барьер в пропастях Союза рухнул с гарантией.

И неожиданно совсем близко замаячили титулованные иностранцы.

Неужели, дотянемся? Трудно было поверить в такую возможность.

* * *

Кто-то не мог поверить, а кто-то и не хотел.

Первооткрыватели не могли сообщить о своих успехах в Снежной ни в печати, ни по телевидению.

Комиссия спелеотуризма при Центральном Совете по туризму и экскурсиям и Комиссия по карстоведению и спелеологии при Академии Наук СССР ревностно следили за тем, чтобы никто из "диких" не всплыл на поверхность. В ту и другую входили почти одни и те же люди, обе возглавлял В.Илюхин.

И хотя все спелеологи СССР знали о последних достижениях в Снежной, советские спелеовласти упорно не признавали этих открытий, по прежнему указывая в официальных сводках глубину -720 метров.

Очень хотелось зарегистрировать рекорд на свое имя!

С этой целью летом 1979 года была собрана специальная группа (*67), которой предстояло "открыть" самую глубокую пещеру СССР. Популярная в СССР телепередача "Клуб кинопутешественников" готовилась сообщать телезрителям об этой "грандиозной экспедиции".

Выходя из пещеры, Татьяна и Даниэль встретили "официальных" спелеологов, только что прибывших вертолетом. Как видим, обеспечение было солидным. Однако "штатные рекордсмены" споткнулись все о тот же "заколдованный" Пятый завал, так и не найдя подъем в зал Победы. Правда, это не помешало их руководителям О.Падалко и А.Ефремову бодро сообщить с экранов телевизоров, что они были первыми людьми, сумевшими выйти в гигантские залы над "Пятым" завалом. Было торжественно обещано, что уже на следующий год они непременно достигнут километра, так как у них есть предчувствие, что пещера Снежная еще скажет свое слово. Предчувствие их не обмануло...

Я помню ту передачу в "Клубе кинопутешественников", почему-то запомнились кадры подземного лагеря (снятые, видимо, ночью на земле, о чем прозрачно намекала трава на ближнем плане).

И еще почему-то резанула барская снисходительность Юрия Сенкевича, с какой он вел разговор с явно чувствовавшими себя неуютно "первопроходцами". Ну, как же, нам, ходившим с Хеердалом!..

Бесславная экспедиция оставила после себя чудовищный телевизионный кабель, по сей день вмерзший в ледовую часть Снежной. А еще - ту самую, легендарную, фразу останкинского кинооператора:

"Я был в Снежной дважды - первый и последний раз!"

* * *

"Здесь надо сказать несколько слов признательности А.П.Александрову, бывшему тогда президентом Академии наук СССР. Летом 1979 года он поручил Институту АН СССР курировать экспедицию Усикова-Немченко, а затем - и Морозова. Благодаря официальной поддержке института и лично президента Академии наук, осенью в газетах "Правда" и "Комсомольская правда", наконец, появились публикации об открытиях в Снежной. На следующий день в редакции газеты "Правда" появился В.Илюхин с официальным письмом в руках, напечатанном на бланке все той

же Академии наук СССР, в котором утверждалось, что на самом деле никаких открытий не было. И здесь он получил совершено обескуражившй его ответ от чиновника газеты. На требование опубликовать опровержение ему твердо пояснили (прямо по Жванецкому), что все, что публикуется в "Правде" - правда, а поэтому опровергать собственно нечего".

Нашла коса на камень!

* * *

В том же 1979 году на Бзыби произошло еще одно, на первый взгляд неприметное событие.

В урочище Абац, что со стороны дороги на Рицу, крымские спелеологи под руководством Г.С.Пантюхина на дне неказистой карстовой воронки открыли новую пещеру. Это позднее, в 1981 году, пещеру назвали именем его брата - погибшего ранее альпиниста-спелеолога Вячеслава Пантюхина. А пока она значилась на съемочных схемах под скромной маркой Кр-1. Пещера начиналась труднопроходимой слабонаклонной галереей длиной 200 метров, и на глубине -70 вдруг проваливалась в мощный колодец...

Кто тогда мог подумать, что народился еще один будущий гигант? Разве придет в голову, глядя на иную заурядную воронку, откуда слегка подувает на рассвете ветерок, что это дверца в когорту исполинов?

...Даже самая великая пропасть всегда начинается с первого колодца.

* * *

Зрело в Москве и по Союзу недовольство сложившейся в спелеотуризме обстановкой. Ворчали и готовились к бунту низовые секции и группы. Были недовольны Илюхиным и в Центральном Совете по туризму и экскурсиям - слишком резок, слишком на многое замахивается, рвется в Международный Союз Спелеологов, жить спокойно не хочет. Илюхин имел волевую натуру авторитарного склада и, понятно, многим не нравился.

Хорошо помню, как в конце семидесятых начинался процесс объединения московских "дикарей". По всей стране разлетались письма из "штаба восстания" - секции МГУ, за подписью одного из ее лидеров - Николая Чеботарева. На Кропоткинской, напротив знаменитого бассейна Москва, в старой квартире у Аксакала (так любовно звали Сашу Морозова друзья) собирался идейный центр сопротивления во главе с искрометным Данилой Усиковым. Здесь обсуждались планы грядущих экспедиций в Снежную, вперемешку с планами свержения илюхинской диктатуры.

В 1977 году по стечению обстоятельств я меняю жительство с Москвы на Усть-Каменогорск. Теперь я мог наблюдать картину разворачивающихся событий как бы со стороны, глазами периферийных секций.

Большую работу в плане информации вела в те годы чета спелеологов из Одессы - Леонид и Алла Суховей, кто по роду своей работы часто бывали в Москве, Ленинграде, других городах Союза, и были в курсе всех перипетий. А самое главное - они не ленились писать письма и подпитывали информацией "провинциальную" спелеообщественность.

Буря вызревала давно. Еще в 1971 году в Новосибирске Совещание представителей спелеологических секций Сибири и Дальнего Востока приняло обращение к пленуму Центральной секции спелеотуризма - в попытке ослабить централизацию, железной лапой душившую спелеотуризм в стране:

"... На наш взгляд основным тормозом (развития спелеотуризма, пояснения мои, К.Б.С.) *явилась политика, проводимая ЦС спелеотуризма: система проволочек, излишний централизм, недоверие к местным секциям, безответственное отношение к судьбам спелеологических секций... Парадоксально, но большинство местных секций относится к ЦС спелеотуризма как некоему ограничивающему органу, положение, представительство и устав которого никому не известен, и который не может оказать никакой существенной помощи".*

"Лед тронулся" в мае 1979 года, когда Центральная федерация самодеятельного туризма ЦСТЭ приняла новую систему подготовки туристских кадров. Эта система предусматривала большую свободу низовых секций на местах. Спелеотуризм, как один из видов самодеятельного туризма, тоже получал, таким образом, возможность выйти из-под диктата Центральной спелеокомиссии.

Илюхина это не устраивало.

Время решительной схватки настало. Вся прогрессивная спелеообщественность страны понимала, что нам представляется уникальный шанс демократизировать спелеотуризм, разрушить тоталитарную пирамиду его строения, укоротить централизацию.

Увы, среди нас были и те, кого вполне устраивало существовавшее положение: друзья и соратники Илюхина, местные царьки и князьки от спелеотуризма других регионов страны.

Все происходило точно так же, как и в других политических игрищах нашей эпохи.

Во все концы страны летели письма двух противоборствующих группировок. Лидеры созывали соратников под свои знамена.

Единодушия в стране не было. Часть спелеосекций поддерживали Илюхина, часть - Усикова, ставшего к тому времени общепризнанным лидером "спелеонелегалов". Чаши весов неопределенно покачивались. И все же тучи над прежним составом ЦС спелеотуризма и его безраздельным владычеством сгущались все ощутимее.

Вот пулеметные строчки борьбы, взятые мной из писем, во множестве приходивших тогда в Усть-Каменогорск:

"Нынешнее руководство Центральной спелеокомиссии спелеотуризма всячески цепляется за старую систему подготовки кадров. Они готовы даже ввести новую систему, но с оговорками. Если таких оговорок не будет, то областные спелеокомиссии получат самостоятельность, что равносильно провалу старой системы, которая насаждалась годами".

Самостоятельность! Об этом можно было только мечтать...

"Костя, если ты знаешь фрунзенских спелеологов (Фрунзе - ныне город Бишкек, пояснения мои, К.Б.С.), то напиши, что они ведут сейчас себя неправильно. Сбигнев ответил Чеботареву в очень резких тонах, обвиняя его в смуте. Очевидно, они не понимают происходящих в Москве событий".

Илюхинская диктатура трещала по всем швам.

"В настоящее время работа Центральной комиссии спелеотуризма рассмотрена Президиумом Центральной федерации самодеятельного туризма и признана неудовлетворительной. Создан оргкомитет, который совместно с аттестационной и дисциплинарной комиссиями Московского облтурсовета занимается аттестацией и восстановлением в правах "диких" спелеологов. Уже аттестовано более 150 человек. 24 февраля 1980 года. Суховей Л.Н. Суховей А.Д.".

Это был сильный удар. Нокдаун. Переворот набирал силу, но победить мы могли только "конституционным" путем, действуя в рамках и по правилам бюрократической структуры системы советов по туризму и экскурсиям и их марионеточных федераций туризма.

"28-29 февраля 80 г. состоялось заседание центральной комиссии спелеотуризма (ЦКС), на котором, кроме московских членов, присутствовали иногородние: Коврижных (Ленинград), Дублянский (Симферополь), Рыжков (Свердловск), а также приглашенные: Пантюхин (Крым), Ковалев и Шорохов (Красноярск), Ткачук (Львов), Суховей Л. и А., Белоус (Украина). От ЦСТиЭ - Симаков В.И., Журавлев С.В., Тихомиров В.А., Княжин С.А. и др. На заседании рассматривались итоги работы ЦКС в 1976-79 г.г....

Начальник отдела самодеятельного туризма Симаков информировал присутствующих о факте использования Илюхиным В.В. незаконного бланка Центрального Совета и искажении фактов в письме на нем..."

Погружаясь снова в эти, далекие уже, события, испытываешь большое желание считать, что именно борьба нелегалов – "диких" кейверов и спелеообщественности привела к свержению Илюхинской диктатуры и демократизации спелеотуризма в стране.

Но нужно смотреть на вещи реалистично. Не московская спелеообщественность свергла Илюхина – опираясь на нас, с ним сводили счеты старые товарищи по Центральному совету. Спелеообщественность страны создавала фон, а истинные тяги двигались и скрежетали за кулисами.

Устраняли ставшего неугодным, слишком самостоятельного, Илюхина, теми же методами, какими, расправляясь с оппонентами, пользовался он сам, какими не брезговали во всех эшелонах прогнившего коммунистического государства.

Да и сейчас ими не брезгуют политики, вне зависимости от государственного строя.

Каждое лыко в строку! Ну, скажите – при чем здесь какой-то "незаконный" бланк? Старый добрый принцип: для достижения политических целей – все средства хороши.

Бланком дело, понятно, не ограничилось.

"...В информации председателя Центральной Федерации туризма Тихомирова В.Д. подчеркнута глубокая заинтересованность так называемых "диких" московских спелеотуристов, проходящих в настоящее время аттестацию...

Тихомиров отметил, что такой сильной централизации, какая существует сейчас в спелеотуризме, нет ни в одном виде туризма. Необходимо срочно исправить это ненормальное положение.

Тихомиров предъявил претензии к руководству ЦКС, что в библиотеке Московского клуба туристов хранится всего 45 отчетов о спелеопутешествиях (по предварительным подсчетам их должно быть более 200). Отсутствие отчетов, подчеркнул он, не дает возможности аттестовать спелеотуристов при переходе к новой системе подготовки кадров".

И снова знакомый пиратский почерк. Судьбу этих отчетов, буквально похищенных илюхинцами и скрываемых под кроватью в одной из московских квартир, долго обсуждали в Москве. Так они и канули где-то.

Никто не хотел уступать без боя, и в ход шли все средства.

"В информации тов. Шишкова, председателя дисциплинарной комиссии, в частности отмечалось, что при тщательном рассмотрении документов по дисквалификации Усикова, Антонова и других "диких" установлено превышение полномочий (формулировка "пожизненно дисквалифицировать" и т.д.), во многих случаях для дисквалификации не было достаточных причин. В отдельных случаях руководство ЦКС вело себя неэтично по отношению к "диким" (письмо на работу Усикову и т.п.)

В адрес центральной спелеокомиссии были высказаны претензии и критические замечания в выступлениях Пантюхина, Белоусова, Ковалева, Рыжкова и др. 1.03.80. Суховей".

* * *

Отвлекаясь от политических баталий, хочется коротко сказать об Антонове, одном из ярких лидеров Московского спелеотуризма, тоже подвергшемся Илюхинским репрессиям. Вернее, о его группе. Созданная Антоновым группа "Кристалл" дала советскому кейвингу много замечательных имен. Но самым замечательным явилось новаторство "Кристалла" в области спелеотехники и снаряжения. В 60-х годах Антонов и его сподвижники предложили альтернативный способ штурма подземных вертикалей – вместо синтетических веревок использовать стальной трос. При этом антоновцы не только поднимались по тросу, что в последующие годы получило широкое распространение в СССР, но и спускались по нему, что так и не обрело популярности. Спуск по тросу происходил при помощи специальных устройств на основе деревянных тормозных блоков, а так же на зажимах, в порядке обратном подъему.

"Пятого мая (1978-го, уточнения мои, К.Б.С.) *мы спустились к Хапкулче за оставшимися вещами, – вспоминает Д.А.Усиков об одной из экспедиций в Снежную*

*(*68). – На нашей тропе в снегу стояли трое юношей. Судя по белым лицам – не спелеологи МГУ. Как выражаются в детективах: "Кто же это сел нам на хвост?"*

"Нас зовут "Кристалл", – представились преследователи. Так мы лицом к лицу столкнулись с еще одной неофициальной группой (как-то у нас закрепилось называть ее "бандой Антонова"). К мягкому месту наших новых знакомых были привязаны подушечки. (Чтобы не больно падать?) За чашкой чая и кашей мы поговорили за спелеологию.

Юноши подтвердили то, что рассказывал Ноздрачев. Они собираются установить в Снежной рекорд: спуститься до Пятого завала за один день. А сейчас они пришли посмотреть, где же вход в эту самую "Снежную", где осенью всему миру будет продемонстрировано преимущество тросового снаряжения. Пока что Антонов решительно покончил с веревками, устроив в ноябре 1977 года аукцион по распродаже устаревшего снаряжения. В связи с этим инцидентом любопытно заметить, что спелеологи МГУ, нуждающиеся в веревках, вынуждены были на аукционе уступить перед ценой, предложенной одной дикой группой – что-то около рубля за метр. Вот так инфляция!"

Да-а... Что же теперь-то сказать, в наше гиперинфлированное время!

"Саша (Ноздрачев, прим. мои, К.Б.С.) так понял, что у антоновцев практикуются телесные наказания. Антоновцы ему не понравились. Автор пока тоже не в восторге. Ему уже приходилось встречаться на Караби с представителями этой группы. Свой лагерь у колодца Дублянского они оформили в стиле "а ля Махно". За водой в приличную даль, вдобавок в тумане, посылался все один и тот же новичок, который явно был "на побегушках". Он каким-то чудом находил дорогу к колодцу, наверно, ведомый нестерпимой жаждой, но обратно его приходилось отводить. Своим нарочито подчеркнутым анархизмом антоновцы произвели тогда на автора какое-то несерьезное впечатление. В то же время они очень доброжелательно показали и дали сфотографировать новинки своего тросового снаряжения".

Оставим Усикову его впечатления об антоновцах, но их новаторство в области спелеотехники бесспорно заслуживает уважения.

* * *

А политические страсти не утихали. Эхо московских событий шло по всей стране. Перебираю письма Лени Суховея.

"Майские праздники провели в Крыму. Виделись со всеми симферопольскими друзьями, а также с челябинцами (Баранов Семен проводил лагерь). Мы с Пантюхиным взяли его в оборот за то, что они поддерживали Илюхина. Он, вроде, согласился, что зря поддерживали – у них тоже дел и забот много, как выяснилось.

29 апреля 80 года Центральная федерация признала работу центральной спелеокомиссии неудовлетворительной, а состав несоответствующим. Сейчас Илюхина приглашают к Пасечному, а он не идет, так как понял, что предложат оставить кресло. Ну и пока никаких изменений.

В майские праздники бывшие "дикари" все выезды провели безаварийно..."

Это было очень важно – в тот смутный период не допустить никаких аварий в экспедициях легализовавшихся, наконец, нелегалов, что мгновенно было бы использовано оппозицией.

И снова становится горько. Даже самостоятельно избрать руководство спелеотуризмом мы были не в праве. Для этого требовалось решение ЦСТиЭ! Вся туристская система федераций была создана чиновниками от туризма на принципах ужасающего бесправия общественности, полной подчиненности произволу бюрократического аппарата советов.

"Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!"

Ладно, возразят мне, а сейчас что, лучше?

Может быть, и не лучше. Но теперь мы хоть понимаем, к чему надо стремиться.

Весной 1980-го в советском спелеотуризме установилось шаткое двоевластие: Московская комиссия спелеотуризма перешла в руки бывших "дикарей", – позиции Центральной спелеокомиссии оставались в руках Илюхинцев.

Такое положение сохранялось до середины лета.

"3 июля 80 г. В Москве пока затишье. Усиков, как председатель московской комиссии потихоньку работает. Илюхин по собственному желанию уйти не пожелал. Теперь ЦС будет его "уходить", но это уже осенью..."

Это была агония старой власти.

"30 июля 80 г. Ребят из московской комиссии (новой) ввели в состав Бюро Центральной спелеокомиссии (Усиков, Людковский, Морозов, Чеботарев и др.) Илюхинцы сорвали в этом году инструкторский сбор. Теперь пиши в Одессу. Суховей".

Медленно, но верно наступали новые порядки. Новые люди становились к рулю советского спелеотуризма. Неохотно, огрызаясь, уходили прежние.

Невольно думаешь – зачем все это было? Неужели не хватало на всех пещер? Неужели мало было гор? Почему так часто, стоит иному оказаться у власти, он тут же пытается всех пригнуть под себя, сводить счеты, диктовать правила?

"18 октября 1980г. Сейчас обстановка следующая. В Московской комиссии усиковцы, они же вошли в состав Центральной комиссии. МКК в их руках. Но кадровая комиссия и председатель (Сайфи, Фурман) еще старые. То есть их мероприятия сейчас большинством голосов можно провалить, но и свои дела не сдвинуть. Так Илюхин и Падалко "провалили" инструкторский сбор 80 года. Теперь они могут завалить план 81 года и т.д.".

О чем думали эти люди, считавшие себя спелеологами? Неужели не понимали, какой вред наносят всему спелеологическому движению в стране, своим коллегам, таким же, как они, любителям пещер? Почему личные амбиции затмевают в нас любовь и честное отношение к своему делу – делу, выбранному добровольно, на алтарь которого мы кладем свои жизни? В чем сладость яда власти, превращающего человека в слепое бездушное отвратительное создание?

"Красноярцы в ноябрьские праздники с 1 по 7 (80-го) проводят семинар судей по спелеотуризму. И хотят под этой вывеской провести всесоюзный пленум председателей и представителей секций и "скинуть" Илюхина. Дело в том, что переутверждение состава Центральной Федерации будет в мае 81 года..."

Прослышав про семинар судей, я рванул в Красноярск.

Собралось нас человек тридцать, в основном с Алтая, из Сибири и Дальнего Востока. Из Москвы приехал Усиков, из Симферополя – Пантюхин. Размещались в здании Красноярского филиала ИПК (*69). Днем шли занятия по плану, во второй половине дня – политические дебаты. Помимо всего, Усиков привез слайды с рекламой только-только изобретенной группой "Снежная" модульной упаковки продуктов. Это впечатляло больше политики.

Поздно вечером красноярцы увозили дорогих гостей – в клуб, а мы оставались в ИПК делиться впечатлениями.

В то же время мне не давал покою очень серьезный для меня вопрос – как получить у Иконникова ужасно необходимую мне справку спелеолагеря 2-го года обучения? Без справки я не мог заниматься со школьниками в своем Усть-Каменогорске. Потому что по еще не отмененным тогда правилам без такой справки самостоятельно по пещерам ходить запрещалось (!). Официально ходить. А неофициально ходить с детьми я не мог – все пещеры были далеко, и каждая вылазка превращалась в целую экспедицию с соответствующим оформлением документов.

Сегодня это может показаться странным, но многие из нас в то время вынуждены были заниматься детскими секциями, чтобы иметь возможность вообще заниматься пещерами дольше, чем один трудовой отпуск в году. Водить же подростков в походы всегда было и остается весьма благодарным, но очень опасным делом, где пренебрегать бумажками могут только непрофессионалы.

Короче, я ходил за Иконниковым до тех пор, пока Гена не сломался и не выдал мне документ следующего содержания:

Федерация туризма
Красноярского краевого совета по туризму и экскурсиям
С П Р А В К А

о сдаче экзаменов экстерном

Тов. Серафимов К.Б. сдал экстерном экзамены по программе спелеолагеря 2-го года с оценкой:

по теоретическому курсу – 4 (хор.)

по технике и тактике туризма – 4 (хор.)

Тов. Серафимов К.Б. может быть допущен к стажировке на турбазе ВК Облтурсовета.

Председатель комиссии по туристским общественным кадрам. ...

Член комиссии Иконников Г.С.

12.11.1980 г.

Как я радовался! Спасибо тебе, Гена!

Часам к двум-трем ночи красноярцы привозили "дорогих гостей" обратно в ИПК – отдыхать. Несмотря на студеный ноябрь, окно в нашей комнате распахивалось (парадный вход ИПК ночью на замке) и ко мне на кровать, по несчастью стоявшую под этим окном, падал Геннадий Серафимович Пантюхин, благоухая чистейшими сортами сибирского спирта.

Как возвращался Усиков, я не чувствовал – он жил в другой комнате.

И второй, главный для меня, итог Красноярского совещания – удалось договориться с Усиковым об участии в их экспедиции в Снежную летом 1981 года.

– Ты позвони после Нового года, – улыбнулся Данила. – Будем комплектовать состав и все решим.

* * *

Московские события кругами раскатывались по стране, вовлекая в политическую возню все новые и новые слои спелеообщественности. Это, вообще, характерная для России черта, отмеченная еще А.Солженицыным в известном "Архипелаге ГУЛАГ": едва затеют что-нибудь в центре – как тут же по стране прокатывается волна аналогичных действ. Будто все только того и ждут, не в силах без толчка из центра сделать что-либо самостоятельно.

Да и как сделаешь при пирамидальном строении всего общества? Чем выше пирамида – тем сильнее давление в ее нижних слоях...

"16.12.80. ...Была в ноябре в Ленинграде, виделась со спелеологами. У них там тоже смена власти: Голода и Коврижных Колю уже не выбрали в руководство, они всем надоели, как и Илюхин. Готовятся, по примеру Москвы, провести у себя аттестацию "диких" спелеологов.

Усиковцы работают в Снежной... Алла Суховей".

* * *

До сих пор бережно храню, как дорогую реликвию, пачку справок за проведенные спелеопутешествия, полученные мною при переаттестации в Москве, вместе с другими московскими "дикарями", пожелавшими выйти из подполья и влиться в официальный спелеотуризм.

Как сильна в нас жажда признания другими своих, пусть самых скромных, но достижений! Сегодня я понимаю всю суетность устремлений, связанных с получением справок, значков, званий. А в марте 1980-го специально вырвался из Усть-Каменогорска в Москву, чтобы успеть на переаттестацию. Успел, получил справки, пообщался с друзьями и остался страшно доволен. Так они мне и не пригодились, эти справки. остались сувенирами нелегкого, но очень интересного времени.

Что справки? Истинную ценность имеют только само дело и люди, идущие рядом по выбранному тобой пути.

И все же так хочется признания! В мире людей, что бы ни делали, мы тешим себя надеждой, что это кому-то нужно – кому-то еще, кроме нас...

* * *

Тлеет костер, варится суп с консервами.
Скажут о нас – были ребята первыми,
Вспомнит о нас кто-нибудь понимающий:
Видно прошли трудным путем товарищи (*70).

* * *

Как уже оговорился, в марте 1980-го я прибыл на переаттестацию в Москву - из Усть-Каменогорска, за добрых четыре тысячи километров. В память врезались людные комнаты ЦС по туризму, где проходила переаттестация и выдача справок за проведенные путешествия в пещеры. Отчеты илюхинцы так и не вернули, поэтому нам предлагалось составить краткие отчеты по всем сколько-нибудь сложным путешествиям. За пещеры до "тройки" включительно справки выдавались без всяких отчетов.

Там же - последняя встреча с Илюхиным: высоким и каким-то хмуро-изможденным - таким остался он в моей памяти.

Последняя, потому что два года спустя Илюхин погиб. Возвращаясь летом 1982 года из кавказской экспедиции на Арабику, в вечерних сумерках попал в Гантиади под УАЗик, шедший на обгон автобуса, на котором ехала их группа.

Имя В.В.Илюхина было присвоено одной из крупнейших пещерных систем массива Арабика - Перовская-Волчья. В память о выдающемся деятеле советского кейвинга.

Горько, когда человек уходит из жизни. Пусть соперник, пусть во многом чужой, но в главном - единомышленник. Илюхин любил пещеры и отдал им слишком много, чтобы можно было просто так вычеркнуть его из памяти. Только за то, что он был по другую сторону баррикад.

Любовь к пещерам не должна нас разъединять и делать врагами - этому нет оправдания.

* * *

Место Илюхина в ЦКС занял не менее выдающийся спелеолог, замечательный человек, руководитель и вдохновитель многочисленных экспедиций в пропасть Снежная Александр Игоревич Морозов.

Сражение "гномов" завершилось.

Как суетны человеческие страсти в молчании исполинов Природы!

* * *

В 1979-80 годах в кругу претендентов на Мировую Корону Глубины появилась целая компания новорожденных.

Как и все новорожденные, на первых порах они мало чем отличались от своих многочисленных более мелких собратьев, в изобилии усеивающих высокогорные карстовые районы мира.

В СССР "пошли", дали продолжения, пропасти массива Арабика на Западном Кавказе.

Группа из Куйбышева (ныне Самара, прим. мои, К.Б.С.) под руководством Дичинского открывает вход в пещеру, названную ими по имени родного города - Куйбышевская.

Неподалеку от урочища Орто-Балаган, где расположена Куйбышевская, в соседней троговой - сформированной древним ледником, долине, москвичам из Перовского клуба (куда, кстати, после потери позиций у всесоюзного руля, перебрались многие бывшие члены илюхинской центральной спелеосекции); так вот, перовцам неожиданно удалось раскопать снежную пробку в скального порога - ригеля, куда некогда упирался древний ледник. Ледник потрудился на славу. В глубину массива шла крутонаклонная галерея. Пещеру назвали Перовская.

Оживала и секция МГУ. В 1979 году в район Снежной отправляется первая после долгого перерыва - на политические баталии, поисковая экспедиция. Экспедицию возглавил Юра Шакир.

*"Днем под палящими лучами солнца ребята заглядывали и бросали камни во все щели, которые видели, и ворочали камни над теми, которых не видели, а вечером у костра рассказывали о результатах поиска за день (*71). И вот в один из таких дней кто-то из участников экспедиции обратил внимание на небольшую щель, из которой дуло".*

Так и хочется вставить: "Он кинул туда камень - дуло исчезло!" И хочется уточнить - человека обратившего внимание на "дуло" звали Александр Дегтяренко, а первым шагнул в пустоту новой пещеры дебютант МГУшной экспедиции Нарулло Ахунов из Узбекистана (*72).

Но послушаем Глебова.

"Щель раскопали. Человек в нее уже пролезал, хотя и со скрипом. В тот день прошли входной колодец, пробрались между глыбами к наклонному крутому ходу, усыпанными многочисленными камнями, и остановились на огромной глыбе, висящей над небольшим залом. Дальше не хватало лестницы.

На второй день пещеру чуть не "заткнули". Перевесив лестницу в более удобное место, спустились в зал, который имел явный уклон. Ребята, конечно, направились вниз и вскоре уперлись в плоское сухое дно. Дальше хода не было.

К счастью, человек имеет способность смотреть не только себе под ноги. Довольно скоро в полутора метрах выше обнаружили вход в широкую галерею. В конце ее в полу имелась заманчивая черная щель - узкая и длинная. Мы подобрались к щели, окружили ее, бросили камешек и замерли. Секунды две было тихо. Потом послышался звук удара, дальше посыпались другие камни, которые явно бились о новые и новые уступы, шум уходил вниз, пока не затих где-то в глубине пещеры.

Мы обалдело посмотрели друг на друга и внезапно в один голос издали радостный вопль".

Пещеру решили назвать в память погибшего спелеолога МГУ, одного из первых исследователей Бзыби, Сергея Меженного.

Итак - вот они, четыре новых претендента: пропасти имени Вячеслава Пантюхина и Сергея Меженного на Бзыби и две надежды на Арабике - Перовская и Куйбышевская.

Запомним эти имена.

* * *

Тем временем в Испании происходит не менее замечательное событие. 15 августа 1979 года Ж.Ф.Пернет открывает новую интересную пропасть - БУ-56.

БУ-56 имеет и более романтичное по звучанию название: Сима де лас Пуэртас де Ильамина. Вход в нее находится в испанской части массива Пьер-сен-Мартен в провинции Наварра. Этот район Испании носит название "Ларра". Его поверхность представляет собой внушительный труднодоступный каменный хаос без капли воды (*73).

Достаточно подняться на гребень Сьерра д'Аньллара или на вершину Пакиса и пересечь простирающееся перед глазами пустынное плато Анимаркандиа До Пунто Альто де Укерди, чтобы получить полную уверенность в том, что именно здесь должен брать начало мощный источник карстовых вод Ильамина или Тру дю Сорсье...

Жан-Франсуа так описывает свои первые метры в БУ-56:

"Я закрепил 60-метровую веревку за выступ и спустился 20 метров на фирновый гребень, по которому и съехал верхом на дно первого колодца. На глубине 65 метров поток воздуха уходил из основного меандрирующего хода в узкое отверстие. Осторожно протиснувшись в это отверстие, я сумел приподнять огромную глыбу, которая, пролетев метра два, упала в воду. Обливаясь потом, я стал протискиваться дальше, следуя за изгибами узкого лаза. Проход не кончался; я позвал товарища, который шел следом за мной, но ответа не получил. Очевидно, он остался по ту сторону узости. Перед следующим препятствием поверну назад, подумал я, спускаясь с уступа. Ход расширился, уступы следовали один за другим, и у меня появилась надежда. Передо мной зияла пустота, по-видимому, довольно большого объема; на дне журчал ручеек, дул ветер, но не осталось ни метра веревки!"

Ну, разве можно было сюда не вернуться? И вот в следующем году начался, самый, наверно, впечатляющий, штурм неизвестной пропасти таких размеров, какой оказалась БУ-56.

Напомним, что при первом спуске Пернет достиг глубины всего 90 метров.

Теперь пещера разворачивала перед исследователями сотни и сотни метров колодцев, ходов и галерей, взвинчивая азарт, распаляемый ложащейся в руки Удачей.

"... Мощный ток воздуха неудержимо толкал нас вперед. Напряжение росло: мы были на глубине уже 420 метров, а именно на таких глубинах удавалось выходить в этом районе на мощную подземную реку. Впереди отчетливо слышался гул. В голове проносится вихрь мыслей, будет ли на этот раз так, как в колодцах Лонне-Пейре, АН-3, Лепине, выйдем ли на большую реку? Еще один поворот меандра, и вот он,

долгожданный момент! Жерар Буке чуть ли не бегом спускается еще на три метра и останавливается на сланцевом полу.

Мы вышли в красивую галерею, и теперь бежим по ней, подталкиваемые мощным потоком воздуха. Надежда растет, похоже, что мы можем вскоре выйти в огромную галерею – коллектор, которая, как предполагалось, должна находиться непосредственно под осью Укерди.

Но на глубине 475 метров мы упираемся в сифон. Ток воздуха исчез на глубине 460 метров, и мы возвращаемся, как убитые..."

Штурм неизвестного – это взлеты и падения надежд. Мы стремимся вперед в нетерпении увидеть все новые и новые галереи и колодцы. Но с каждым шагом мы приближаем тот момент, когда пещера закончится. И уткнувшись лицом в мокрый камень последней галереи, уронив луч фонаря в зеркало последнего сифона, мы останавливаемся в горьком раздвоении: радость открытия омрачена концом пути.

Это – как жизнь. Смерть неизбежна, но от этого жизнь не становится отвратительной. Жизнь – это непрерывный процесс, стремящийся к концу так же, как мы стремимся ко дну неведомой пещеры, страстно желая отдалить этот конец, если уж невозможно совсем его избежать.

А если пропасть вдруг окажется бездонной – не растворится ли в вечном движении радость победы?

Чтобы ощутить величину и значение достигнутого – нужен отсчет, нужна конечная точка.

Чтобы понять, как пахнет вода, нужно испытать смертельную жажду.

Чтобы почувствовать наслаждение жизнью – надо хоть раз ощутить дыхание смерти на грани возможного.

Не приведет ли бессмертие к бесцельности жизни?

"Через два дня мы снова проникли в "Меандро Оптимидо". Ток воздуха становился все сильнее. На альтиметре глубина 450 метров. Те несколько мгновений, в течение которых мы с максимально возможной скоростью, согнувшись под нависшим сводом, преодолеваем ход, превратившийся в неширокую фреалическую (напорную, пробитую напорными водами, пояс. мои, К.Б.С.) галерею, были исключительно напряженными. И вдруг мы останавливаемся перед зияющей пустотой наверху завала. Шум реки наполняет всю пещеру. На этот раз мы победили!

Красивый поток струится по обвальной галерее шириной около 20 метров. Через 300 метров уклон галереи резко увеличивается. Здесь река напоминает другие реки массива: вода падает пенистыми каскадами по мрачным каменным желобам с блестящей отполированной поверхностью.

... Дольше пришлось двигаться на лодках. Через 150 метров ход вышел в другой зал, на первый взгляд – глухой. Река исчезала между глыб, а мы с замиранием сердца поднялись на завал, круто обрывающийся в глубине зала. Это место было так похоже на дно Посо Эстелья...

Наверху завала под потолком можно было исследовать ряд узких проходов, но в них не было никакого движения воздуха. Мы продолжали упорно искать, и, наконец, раздался счастливый возглас Ж.П.Блана: "Посмотрите сюда... Он просто огромен!" Это было начало зала "Ронкаль".

Окрыленные успехом, группы одна за другой уходят все глубже. Вот пройдено 700 метров, 800... На этом этапе исследования становится ясно, что без подземного лагеря дальше двигаться будет сложно. В самом деле – уже сам спуск на –800 метров и подъем с такой глубины занимают хороший рабочий день!

К тому же погода в горах угрожающе портилась. На подземной реке подобных размеров паводок может оказаться кошмарен! В такой ситуации оставалось одно – нанести решающий удар как можно быстрее.

В ударную группу вошли Дан Мартинес, Серж Фюлькран, Ив Паскуаль и Ришар Мэр.

"Мы снова на балконе над угрожающе шумящей рекой. Что ждет нас внизу? К счастью, не приходится забивать шлямбурный крюк: веревку вполне можно навесить за надежный выступ со страховкой за сталагмит. Первым спускается Дан. На 10-м метре спуска он вынужден сделать промежуточную точку закрепления. Река течет в глубоком каньоне шириной более десятка метров. Первые 50 метров удается пройти, минуя глубокие места и 6-метровый каскад. Дальше 5-метровый уступ приводит к

наиболее трудному месту. Паводок здесь должен быть ужасным. Мы с трудом продвигаемся в распоре над пенящимся котлом, погружаясь в воду иногда до пояса... И вдруг мы упираемся в сифон! Альтиметр показывает -950 метров. Никаких возможностей продолжения не видно. Мы возвращаемся с кислыми лицами. Совершенно необходимо найти где-то обход!

... Ришар и Серж пытаются пробраться через узкий проход, обнаруженный ими в метре от воды. Трещина шириной в 60 см загромождена глыбами, между которыми приходится пробираться, как по настоящему лабиринту. Тока воздуха нет. Но мы ему больше не верим. Серж исчезает в трещине. Через 20 метров трещина выводит в большую галерею. В отдалении слышен гул реки. Есть шанс прорваться! Мы спускаемся еще на 40-50 метров. Отметка 1000 метров достигнута!

*Уже совсем поздно мы вчетвером спускаемся в большую галерею Бельагуа. Было бы глупо не насладиться этими незабываемыми моментами. Любопытно, что, несмотря на свои огромные размеры, галерея Бельагуа не кажется враждебной человеку. Громадные глыбы с шапками белых кальцитовых натеков кажутся добродушными. Путь наш проходит по каскаду гуров (*74). Какой контраст с мрачными нагромождениями глыб в зале Ронкаль! Последний очень похож на залы Пьер-сен-Мартен".*

Пропасть с кажущейся легкостью будто приглашает первопроходцев в свои недра. Как донести до читателя густой шум подземной реки, промозглый холод воды, пар, поднимающийся от дыхания, мокрые до нитки одеяния спелеологов? И гулкое эхо шагов в тишине обвальных залов? И голоса - то удивительно громкие в отражении эха от невидимых сводов, то беспомощно глохнущие в реве воды? Все то, что рисуют в воображении, вызывают в памяти эти удивительные строчки замечательного штурма?

В 1980 году экспедиция так и не увидела дна пропасти. На глубине -1192 метра отважная четверка вынуждена была остановиться: не оставалось уже ни снаряжения, ни времени. Под ногами - глубокая трещина, на дне которой неистовствует Рио дю Ринкор де Бельагуа. Прекрасен испанский язык!

Беспрецедентный случай - за одну экспедицию пройдено 1100 метров денивеляции! Такого еще не знала мировая практика.

* * *

В 1980 году ни одна из советских пропастей не могла еще составить конкуренцию яростной испанке Ильамине. Не говоря уже о том, чтобы угнаться за Жан-Бернар.

И только Снежная - стараниями Усикова-Морозова, мужественно приняла вызов.

Группа "Снежная" применила новый тактический ход. Усиков теперь работал летом, а Морозов зимой. Глубина пещеры росла - соответственно нарастала массированность экспедиций, продолжавшихся все более и более длительное время. Уже и 20-30 дней подземной работы далеко не предел! Медленно и упорно продвигаются вниз штурмовые группы, неся с собой огромное количество снаряжения. Устанавливаются подземные лагеря. Длительные остановки для восстановления сил, и снова медленное упорное движение вперед. Сегодня, сопоставляя работу в Снежной того периода с исследованиями в пропастях Европы, я невольно прихожу к сравнению, взятому из альпинизма: легкий "альпийский" стиль европейцев резко контрастировал с тяжелой "гималайской" тактикой советских экспедиций.

Как бы там ни было, а зимой 80-го года к Снежной отправляется новая экспедиция.

*"В декабре 1979 года по подземной реке Снежной плыл целый караван мешков (*75). У него было семь погонщиков. Ребята не спешили. Спешить было некуда: ведь им предстояло провести в Снежной около двух месяцев.*

Зимой до входа в пещеру добираться было труднее: глубокий снег, лавины, морозы. Но зато воды в подземной реке было гораздо меньше, чем летом, до весны исчезла угроза паводка, и работать под землей было намного спокойнее. Достигнув зала ИГАН, половина группы спелеологов вернулась назад. Внизу остались Саша Морозов, Георг Людковский и Сева Ещенко. Первыми они спустились по водопаду "Олимпийскому" в зал "Икс", как оказалось самый большой в Снежной и до сих пор таинственный. Сразу по языку водопада река сквозь сито мелких валунов проваливалась в нижние этажи пещеры. Для человека дороги не было. В глубине зала крутая осыпь переходила в ровный пол. Отложения на песке в этой нижней сухой части зала говорило о том, что иногда здесь образуется обширное, размером в сотни метров озеро. Зал был слегка вытянутой формы. В дальнем от водопада его

конце свод сильно понижался. Гул водопада сюда уже не проникал. Но куда же исчезает река?

День за днем ребята проводили в поисках выхода из гигантского сумрачного зала. Уже и во сне Саше снился этот неведомый проход. Когда уже казалось, что никакой надежды нет, Саша, наконец, нашел нужное место. Там действительно была щель. Поработали, и – открылся выход в галерею, и снова появилась потерянная река. Она почти бесшумно вливалась в огромный песчаный грот. Это был – зал "Пенелопы", в честь "терпеливых жен спелеологов" (к тому времени экспедиция продолжалась уже 70 дней).

И опять река исчезала, на этот раз под осыпью, густо облепленной глиной. Хотя воздух и дул из щелей, казалось, что пройти, как заключил Саша, "абсолютно невозможно".

Глубина Снежной стала –1320 метров. И, похоже, остановилась.

Мнение такого мэтра как Морозов, было очень весомо. Но у каждого своя Удача. И, соблюдая полугодичный цикл, в свою очередь на Бзыбь отправляется Усиков.

"...Летом 1980 года Даиэль Усиков собрал сильную группу, в которую вошли спелеологи Татьяна Немченко, Виктор Козлов, Евгений Войдаков, Олег Кабанов и неискушенный в пещеролазании программист-математик Андрей Дебабов. Очередной завал не устоял перед их дружным натиском. Поднявшись головоломными лазами между монолитным потолком и глыбами на сто (!) метров вверх, спелеологи вышли в небольшой зал – зал "Метростроя". Но со спуском к реке возникли проблемы..."

* * *

В том же, 1980 году Жан-Бернар, с помощью Патрика Пенеса, пронырнувшего 1-й донный сифон пропасти, перешагнула еще один фантастический рубеж. Глубина системы стала –1410 метров! (При нескольких – подчеркнем это, входах, позволяющих проходить пропасть частями).

Только еще Пьер-сен-Мартен уверенно сохранял за собой вторую позицию, гордо неся свои –1332 метра. И...

И вдруг на третье место, вплотную к ПСМ, величаво выступила суровая северянка – Снежная: –1320!

Что такое каких-то 12 метров на пути в несколько подземных километров? Почти неуловимая величина в пределах погрешности измерительных приборов!

Пока француженка Берже препиралась с испанкой Ильаминой, как скупенькие деревенские красавицы на рынке подсчитывая метры (–1198 у Берже против –1192 и перспективы прямого продолжения у БУ-56, – тоже впритык!), Снежная безмолвно обошла их, дохнув холодом на соперниц, и встала рядом с ПСМ, меряя его взглядом.

Это была большая победа советского кейвинга.

***62 Система Жан-Бернар** (Сэммоэн, Верхняя Савойя)", "Spelunca", № 7, Paris, 1982 год.
***63 НАПОРНЫЕ ГАЛЕРЕИ** – пещерные ходы, выработанные потоками, текущими снизу вверх под напором за счет перепада уровней и давления подземных "сообщающихся сосудов".
***64 ИСКУССТВЕННЫЕ ОПОРЫ** – в отличие от свободного лазания или скалолазания со страховкой, лазание на искусственных опорах подразумевает забивание в скалу крючьев, использование закладных и других специальных видов снаряжения с использованием их не только для страховки, но и для передвижения.
***65 НЕОПРЕН** – имеются ввиду гидрокостюмы, так называемого, "мокрого" типа из пористой резины, которые, в отличие от водозащитных гидрокостюмов "сухого" типа не предохраняют от намокания. Их термоизоляция основана на том, что вода, единожды промочив костюм насквозь, больше не циркулирует в его порах, нагревается теплом человеческого тела и сама, вместе с материалом костюма, является теплоизолятором.
***66** По другим сведениям –1190м.
***67** Таня пишет "группа специальных людей". Если вдуматься, то и этой транскрипции есть своя соль.
***68 Д.А.Усиков** "Глазами друзей", сборник "20 лет секции спелеологии МГУ", Москва, "Самиздат", 1982 год.
***69 ИПК** – Институт повышения квалификации работников туристско-экскурсионных организаций.
***70 Юрий Визбор** "Белая земля".

***71 В.Глебов** "Шахта Меженного: история открытия", "Глазами друзей", сборник "20 лет секции спелеологии МГУ", Москва, "Самиздат", 1982 г.
***72 Ю.Шакир** "Искать, надо искать!", "Ветер странствий" № 25 1990 год.
***73** Здесь и далее по материалам "Spelunca" № 9, 1983, Жан-Франсуа Пернет, Ришар Мэр "Сима де лас Пуэртас де Ильамина (БУ-56)" в переводе А.И.Морозова.
***74 ГУРЫ** – специфические пещерные образования в виде подпруживающих ручей плотин из кальцита, размерами от мельчайших кружев до гигантских в несколько метров высотой плотин.
***75 Т.А.Немченко** "История исследования пещеры Снежная"

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com